

Л. Г. Бызов
ПАРАДИГМЫ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru

Л.Бызов анализирует текущую ситуацию в России с позиции готовности общества к переменам. С одной стороны, он фиксирует рост числа россиян, ориентированных на перемены, особенно в рамках среднего класса. С другой стороны, велика, по мнению автора, и сила инерции, стремление к сохранению стабильности любой ценой. Анализируя содержательную сторону перемен и отношение к ней различных социальных групп и слоев, автор подчеркивает, что часть элит, бизнес, городская молодежь готова поддержать либеральный поворот, политическую «оттепель», тогда как остальные слои общества, напротив, видят вектор перемен в усилении «порядка», укреплении государства, силовом подавлении коррумпированных и неэффективных элит. На основе анализа данных ряда социологических исследований (ИС РАН, ВЦИОМ, ФОМ) автор выделяет три социально-политических парадигмы перемен, существующих сегодня в массовом сознании: лево-авторитарный сценарий; либерально-авторитарный сценарий; демократический сценарий.

Ключевые слова: перемены, инерция, социальные группы, идейно-политические ориентации, общественный запрос, порядок, социальная справедливость, государство, политические свободы, либерализм.

Дискуссия о парадигмах посткризисного развития, развернувшаяся в России в 2009–2011 гг., имеет две стороны: стратегическую и конъюнктурную. Значительной частью общества и элит разговоры об инновациях и модернизации, либеральном и консервативном сценариях воспринимаются как конъюнктурный «пиар», изначально не рассчитанный на свою реализацию, наряду с такими изобретениями политтехнологов, как «план Путина», «удвоение ВВП», «суверенная демократия». Дескать, надо Кремлю (или Белому дому) о чем-то поговорить — вот и говорят. Судя по ходу и характеру дискуссии, этот взгляд имеет право на существование. Но верно и другое: налицо завершение очередного витка исторического цикла, истерпанность тех общественных парадигм, которые во многом позитивно воспринимались обществом в «эпоху нулевых». По мнению радикальных критиков нынешнего режима, «попытки российских властей вернуть доверие к сложившейся в стране системе, скорее всего, обречены на провал.

Причем не только потому, что эффективность этой системы тает день ото дня, но и потому, что в ней пытаются соединить несоединимое: реальный авторитаризм и признаки демократии; государственнический подход и разнузданный экономический либерализм; размен свободы на благосостояние и примитивную политическую демагогию»¹.

Как стало ясно именно в посткризисные годы, само по себе укрепление государственнической компоненты через построение «административной вертикали», интенсивное формирование правящего класса в лице государственной бюрократии не смогли обеспечить новые импульсы развитию экономической и политической системы страны, напротив, привели к стагнации, снижению эффективности работы государственной машины.

Как и четверть века назад, в начале горбачевской «перестройки», стало происходить осознание необходимости перемен, проработка различных вариантов сценариев будущего. По времени этот процесс совпал с болезненным экономическим кризисом, усугубленным разного рода негативными природными и социальными обстоятельствами 2010 г., с политической неопределенностью, вызванной ситуацией вокруг «проблемы 2012», а также естественной сменой поколений, ищущих своего места в современном обществе.

Все это незаметно привело к появлению новой социальной реальности, пока еще не осознанной ни обществом, ни элитами. Эта реальность характеризуется спонтанным ослаблением созданной в «нулевые» политико-экономической системы, снижением эффективности сформированных в этот период институтов, нарастанием социальных и экономических диспропорций, ростом протестных настроений (в том числе и со стороны среднего класса — еще вчера самой верной опоры правящего режима).

Поэтому дискуссия о парадигмах посткризисного развития, начатая с подачи «сверху», в определенной степени стала поводом обсудить основные парадигмы развития страны в этой измененной социальной реальности, то есть существенно вышла за рамки первоначально предложенной темы. Ощущение непрочности, переходности переживаемой эпохи все сильнее овладевает различными слоями общества, притом что большинство «рациональных» факторов не предполагает неизбежность значительных перемен. Общество пока не готово к кардинальному изменению своих оценок настоящего и будущего, однако потеря динамизма, отличавшего социально-экономическую жизнь особенно в первой половине «нулевых», отчетливо фиксируется массовым сознанием.

Так, лишь 12% опрошенных² видят явные перемены к лучшему и полагают, что Российская Федерация и ее экономика успешно развиваются. Столько же опрошенных придерживаются диаметрально противоположного мнения, согласно которому перемены происходят в худшую сторону, а отставание России от ведущих стран постоянно растет. Относительно же большая часть — 49% опрошенных россиян — считают, что улучшения происходят, но очень медленные и незначительные. По мнению 20%, перемен к лучшему вообще практически не происходит, впрочем, как и перемен к худшему, то есть общество и экономика страны находятся в состоянии политического и экономического застоя.

Практически ничем не отличаются от вышеприведенных и данные ВЦИОМ за май 2011 г., согласно которым 11% опрошенных видят явные перемены к лучшему, 50% — незначительные перемены к лучшему, 25% оценивают ситуацию как стагнацию, и 11% отмечают перемены в худшую сторону и рост нашего отставания от ведущих стран мира.

¹ Иноземцев В. С. Вертикаль власти — это хорошо // Московский комсомолец. 2011. 6 июня.

² По данным исследования ИС РАН «Двадцать лет реформ», проведенного в январе 2011 г. по заказу Фонда Эберта.

Оптимизм, и это естественно, в большей степени свойственен молодежи, а также группам наиболее благополучным, с достатком выше среднего, но и в этих группах оптимисты не составляют большинства. При этом доля тех, кто видит заметные перемены к лучшему, падает с 14% у самой молодой из опрошенных групп (до 21 года) до 6% в самой старшей, свыше 60 лет, а доля пессимистов, отмечающих перемены к худшему, напротив, растет — с 4% до 18%.

В группах с высоким социальным и материальным статусом доля оптимистов составляет 17% при 8% пессимистов, а в группах с низким достатком это соотношение носит обратный характер — 8% оптимистов и 27% пессимистов. Но большинство всюду составляют те, кто считают, что перемены к лучшему идут слишком медленно. Таким образом, со всеми возможными оговорками, баланс оценок нынешней динамики развития все же плюсовой, хотя этот плюс и незначительно выражен. Подобная картина мира, сложившаяся в обществе, ничем не предвещает потрясений и катастроф. Как говорится, были в России времена и похуже, причем намного.

Однако, как пишет политолог В. Пастухов, «тему «перемен» вообще можно было бы полностью закрыть, если бы дело ограничивалось изменениями, вызванными рациональными причинами. Но даже подводная лодка всплывает на поверхность, когда заканчивается кислород. Помимо рациональных, в политике действуют и мощные иррациональные силы. Не раз в российской истории самая стабильная, внешне и внутренне неуязвимая «система» исчезала, неожиданно запустив механизм самоликвидации»³.

Именно это мы, возможно, наблюдаем и сегодня: казалось бы, пережив без максимальных потерь самые тяжелые два года, вместо дальнейшей стабилизации системы мы видим симптомы ее саморазложения и саморазрушения. В первую очередь такой симптом — все более ожесточенная внутриэлитная война, далеко вышедшая за пределы высоких кабинетов.

Действительно, выход из экономического кризиса, точнее его наиболее острой фазы, поставил больше вопросов, чем дал ответов. Хотя сам кризис, вопреки многочисленным пессимистическим прогнозам, и не привел к немедленной социально-политической дестабилизации, он существенно поколебал уверенность значительной части общества, что страна в «нулевые» годы избрала стратегически верный курс, который сам собой рано или поздно приведет ее к экономическому процветанию и укреплению ее влияния в мире. Этот факт стали признавать и на уровне Правительства РФ: по словам А. Кудрина, необходимо ответить на вопрос, годится ли для дальнейшего развития та модель экономики, которая существовала до кризиса. «Мы будем по ней жить? С высокой инфляцией, очень высокой зависимостью от цен на нефть, рассчитывая только на них? Или все-таки мы должны создать более стабильную экономику, в меньшей степени зависимую от цен на нефть?»⁴.

Не менее жесткие оценки парадигм развития звучат и из уст иных представителей либерального крыла нашей власти (В. Мау, Я. Кузьминов, А. Дворкович и др.), включая постоянно ведущиеся разговоры о ревизии основ социального государства и пересмотре государством взятых на себя социальных обязательств.

Согласно результатам январского исследования ИС РАН, 60% россиян продолжают полагать, что путь, по которому идет современная Россия, со временем даст положительные результаты, а почти 40% — что этот путь ведет в тупик. Эти данные мало чем отличаются от

³ Пастухов В. Б. Перестройка — второе издание. Революция и контрреволюция в России // Полит.Ру. 2010. Декабрь.

⁴ Кудрин поставил российской экономике диагноз «перелом» // Газета.Ру. 2011. 21 февраля.

полученных 10 лет назад — в 2001 г. Но в исследовании ФОМ, на основании которого был составлен нашумевший аналитический доклад ЦСР, получены данные о существенном снижении за последний год числа тех, кто уверен в «правильном пути», которых, согласно их данным, уже значительно меньше — 50%. Верят в правильность того пути, по которому идет современная Россия в большей степени молодые и относительно преуспевающие группы россиян. Так, в самой молодой из опрошенных групп (до 21 года) доля оптимистов составляет 65%, примерно на таком же уровне аналогичные показатели и в других молодых и средневозрастных группах — до 40 лет, после чего наблюдается постепенное снижение уровня оптимизма до 49% в самой старшей из опрошенных групп (более 60 лет). Среди представителей россиян с высоким социальным и материальным статусом доля оптимистов составляет 66%, а в группах с низким статусом — 52% (см. табл. 1).

Все это позволяет утверждать, что основная часть протестной базы сосредоточена в социальных низах, как это и имело место на протяжении всех «нулевых», а средний класс и общественная верхушка продолжают оставаться в целом лояльными политике властей. Правда, некоторые качественные исследования говорят о снижении уровня этой поддержки и о росте протестных настроений со стороны среднего класса. Возможно, общество сейчас находится в процессе перелома настроений, когда средний класс начнет все сильнее предъявлять запрос на перемены, но пока если это и происходит, то не на массовом уровне, оно скорее дополняет общую картину, чем ее существенно меняет. Поэтому можно предположить, что социально-политический ресурс продолжения стабильности еще не исчерпан и будет продолжать поддерживать политику, проводимую сегодня властями.

С другой стороны, значительно обострилась внутриэлитная конкуренция, борьба группировок в преддверии уже недалеких президентских выборов 2012 г. Какая из «групп влияния» и на основе какой идеологии станет определять процесс последующего развития? Каждая из них стремится обзавестись собственной «моделью будущего», призванной обосновать ее претензии на ведущую роль в принятии стратегических решений. Именно через призму борьбы этих групп и группировок во многом следует рассматривать разворот общественной дискуссии о том, что из себя представляет Россия сегодня и какие ее ждут перспективы.

Таблица 1 Отношение к пути, по которому идет Россия, в %

Варианты ответа	2001	2011	Низший	Средний	Высший
1. Путь, по которому идет современная Россия, даст перспективе положительные результаты	59	60	52	59	66
2. Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик	39	39	47	40	34
3. Не ответили	2	1	1	1	0

Это касается и проблемы модернизации, предложенной в повестку дня президентом Медведевым (хотя и не только ее, потому что предмет дискуссии сам по себе значительно шире, включая проблемы строительства российской нации, парадигмы внешней политики и т.д.). В этих дискуссиях, как в зеркале, отразились ожидания и ориентации различных общественных групп, их взгляд на будущее страны. Само посткризисное развитие рассматривается этими группами не столько как самодостаточный процесс, сколько через призму различных сценариев будущего России, более или менее отдаленного. Что же

касается общественного мнения, оно тоже рассматривает сценарии будущего России через призму своих идеологических предпочтений, тем более что идеологическая неопределенность провозглашенного президентом страны курса оставляет различным группам возможность примерять его на собственные взгляды и ценности.

Точно так же как в свое время курс на перестройку одними интерпретировался как борьба за социальную справедливость, с номенклатурными привилегиями, восстановление ценностей «подлинного» социализма, другими как «воссоединение» с цивилизованным западным миром, создание современной демократической и экономической системы, третьими — как восстановление исторической России, развитие которой было искусственно прервано в XX в. В конечном счете восторжествовала идея, что «иного не дано», а все критики реформ были объявлены их врагами.

Однако «иное» на деле всегда дано, и при ближайшем рассмотрении основные идеи сторонников «реформ по-медведевски» представляются далеко не самоочевидными и безальтернативными. Если одни участники дискуссии характеризуют ее как «болтовню», своего рода дымовую завесу, позволяющую власти ничего не делать, то другие выражают опасения в связи с возможной дестабилизацией государства, если «модернизация» по аналогии с «перестройкой» станет ревизией всего государственного устройства постреформенной России. По их мнению, модернизационный проект де-факто означает ревизию политического и экономического наследия эпохи В. Путина. Многие указывают и на то, что «модернизация» может служить и определенным эвфемизмом, за которым угадывается желание некоторой части элитных групп «переформатировать» политический процесс, повысить ротацию внутри элит, создать своего рода внутреннюю «партию либеральных реформ» в противовес консерваторам из «путинской» партии власти.

Несмотря на противоречивые результаты исследований, касающихся стремлению общества к переменам, все же можно предположить достаточно явную динамику. За последние два года, на которые пришелся экономический кризис, существенно меняется общее настроение россиян в пользу необходимости перемен, хотя «стабильность» остается все еще одной из самых существенных ценностей, разделяемых обществом. Накануне и в первые месяцы кризиса доля тех, кто предпочитали стабильность, постоянно превышала число предпочитающих перемены. Причем наибольшую консервативность демонстрировали слои общества со средним и выше среднего уровнем жизни, то есть как раз новый российский средний класс. Если в группе с самыми высокими доходами соотношение «перемены–стабильность» составляло, согласно результатам исследования ИС РАН в ноябре 2008 г., 31% против 62%, то в группе наименее материально обеспеченных россиян — 42% против 47%. Это говорит о том, что основная часть активного населения (средний класс в возрасте от 30 до 50 лет) сегодня скорее продолжает опасаться перемен и новых реформ, предпочитая «синицу в руках».

На фоне подобных настроений среднего класса, как это принято считать, «заказывающего политическую музыку», более радикальные настроения «низов» вряд ли могли иметь практические последствия. Однако сегодня картина начинает быстро меняться, как бы подтверждая известный в социологии закон де Токвиля, согласно которому общественное недовольство растет не во время максимальных трудностей, а в процессе медленного выхода из критического состояния. Если большая часть относительно традиционно настроенных россиян в 79% случаях склонна согласиться с утверждением о том, что «все перемены обычно к худшему и пусть все остается таким как было», а представители среднего класса и верхов в 86% случаях согласны с контртезисом о том, что

«им нравятся перемены, нравится жить в постоянно обновляющемся мире», то наиболее массовая группа россиян, образующих промежуточный слой между названными группами, скорее готова поддержать последних (57% выступают за перемены).

Кроме того, завершение экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных парадигм, связанной с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытавших на себе тяжести адаптации к переменам 1990-х гг. Если дальнейшие исследования подтвердят эту тенденцию, можно с уверенностью предсказать значительный рост социально-политической динамики в ближайшие годы, существенное оживление всей общественной жизни страны. Как видно из табл. 2, перемены сегодня предпочитают наиболее значимые в обществе «средние» слои, особенно начиная с пятой позиции самооценки своего социального статуса.

На фоне подобных настроений среднего класса более радикальные настроения «низов» вряд ли могли иметь практические последствия. Однако, как показывает углубленный анализ, настроения «низов» в пользу перемен никак не следует отождествлять с осознанием необходимости модернизации.

Таблица 3 Соотношение «перемены–стабильность» в группах с различным социальным статусом⁵, в %

Статус	1	2	3	4	5	6	7	8
Нравятся перемены	38	41	48	53	61	65	77	80
Все перемены к худшему	60	59	51	47	39	34	22	19

Речь идет об альтернативном сценарии модернизационных реформ — «модернизации сверху», «закручивании гаек», силовом подавлении коррупции, экспроприации капитала у «зарвавшейся» части собственников, усилении роли государства во всех сферах жизни. Как можно предположить, кризис привел к общему усилению смутного недовольства, расширению доли тех, кто считают, что «так жить нельзя», однако качественного скачка в пользу перемен все-таки не произошло.

Аналогичные тенденции наблюдаются и при анализе ориентаций групп общества на перемены, в первую очередь быстрые, кардинальные реформы в социально-экономической сфере и политике. Как это обычно бывает в периоды постепенной смены тренда, картина в этом вопросе выглядит довольно противоречиво. Так, накануне и в первый период кризиса доля тех, кто предпочитали стабильность, постоянно превышала число предпочитавших перемены. Причем наибольшую консервативность демонстрировали слои общества со средним и выше среднего уровнем жизни, то есть новый российский средний класс. Исследование 2011 г. продемонстрировало, что, несмотря на рост доли тех, кто стремятся к переменам, сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со слишком значительным перевесом. Их доля в общем объеме опрошенных составляет 57% при 42% тех, кто выступают за быстрые и кардинальные перемены. Численность сторонников перемен примерно одинакова во всех слоях российского общества: 40% в низшем слое, 42% в среднем и 43% в высшем, примерно соответствующем «среднему классу». Можно в этой связи констатировать, что постепенно главным «заказчиком» перемен становится

⁵ По данным уже цитировавшегося исследования ИС РАН в январе 2011 г., разделение на статусные позиции (самые высокие — 9 и 10 — оказались слишком малочисленными) было проведено на основе самооценки опрошенных.

активная часть среднего класса, правда, это пока лишь относительно слабо проявляющаяся тенденция. Анализ возрастных групп показывает, что на перемены в значительно большей степени ориентируется молодежь, особенно в возрасте до 21 года (54%), а в группах старше 40 лет, притом что в этих группах значительно больше недовольных, доля сторонников перемен находится ниже отметки в 40%. Как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены превышает определенный критический уровень, причем особенно в молодых и активных группах, этот запрос так или иначе начинает пробивать себе дорогу. Здесь же следует отметить, что, несмотря на все негативные тенденции, имевшие место в последние годы, они не привели к значительной разбалансировке социальной структуры россиян. Как видно из табл. 3, в которой приводятся данные ВЦИОМ за май 2011 г., социальная структура остается лимоноподобной: основная часть общества скапливается в его середине (40%), которую сами опрошенные характеризуют как «место немного ниже средней части общества», 28% занимают место ниже и почти столько же (30%) выше. Это очень устойчивое соотношение, которое для самых массовых слоев общества обеспечивает ментальную достижимость если и не попадания в число самых состоятельных россиян, то хотя бы в состав относительно благополучной, «средней» части общества.

Таблица 3 Характер социальной структуры посткризисной России, в %

Как бы Вы охарактеризовали место свое и своей семьи в обществе? (закрытый вопрос, один ответ)	
Мы занимаем место в высшей, самой благополучной части общества	1
Мы занимаем место в относительно благополучной, средней части общества	29
Мы занимаем место немного ниже средней части общества	40
Мы занимаем место значительно ниже средней части общества	22
Мы занимаем место в самой нижней, неблагополучной части общества	6
Затруднились ответить	3

В верхних социальных стратах больше тех, кто «вполне готов и уже сам предпринимает действия», направленные на решение своих проблем (всего таких 19%). Именно эту группу можно назвать «социальными модернистами», рассчитывающими в большей степени на собственные усилия, чем на поддержку государства. Как видно, пока это активное меньшинство.

В чем же состоит социально-политическое содержание парадигм посткризисного развития? Как показали результаты исследования, для большей части общества модернизация является не столько целью общественного развития, сколько способом ускорить это развитие, добиться необходимых результатов, а сами цели во многом зависят от идейно-политических и ценностных ориентаций опрошенного населения. А последние носят достаточно стабильный характер, и даже кризис мало повлиял на соотношение основных идейно-политических групп российского общества. В этой связи характерны результаты сравнительного исследования, проведенного ВЦИОМ в 2005 и 2009 гг., а также исследования ИС РАН в январе 2011 г., согласно которым за последние пять лет значительных перемен в идейно-политическом самоопределении общества не произошло (см. табл. 4). Кроме не слишком значительного сокращения числа «правых» — с 12% до 7%, никаких иных значимых тенденций не отмечается. Важно, однако, что «середка» общественного спектра, которая не готова себя идентифицировать ни с правыми, ни с

левыми, а склонна либо выбрать «что-то среднее» между всеми основными общественными течениями, либо вообще отвергнуть жесткую идейную идентификацию, является не только и не столько деполитизированной частью общества, сколько носителем идеологического синтеза, основу которого составляют государственнические, патриотические ценности, причем скорее левогосударственнические, чем правогосударственнические.

Таблица 4 Соотношение основных идейно-политических течений в российском обществе (2005–2009 гг. мониторинг ВЦИОМ, ИС РАН – 2011 г.), в %

Идейно-политическое течение	2005 г.	2009 г.	2011 г.
«Левые», сторонники приоритета социальной справедливости и самоуправления	14	14	16
«Правые», сторонники развития рынка и политической демократии	12	9	7
«Русские патриоты», сторонники русских национальных ценностей	9	10	10
Что-то среднее между всеми перечисленными группами	25	21	21
Ни одна из них меня не привлекает	31	33	35

Огромный практический интерес представляет вопрос о том, как сможет повлиять новый общественный дискурс, связанный с посткризисным развитием, на ценностную и идеологическую стабильность «нулевых» годов, связанную с неоднократно ранее описанным нами феноменом «путинского консенсуса». Как это показало проведенное в начале прошлого года исследование ВЦИОМ⁶, на период начала кризиса не произошло сколько-нибудь значимого сдвига в общих идейных ориентациях россиян. Никаких признаков «переворота в умах» в ходе этого исследования обнаружено не было. «Левые» по своим взглядам россияне, отдающие приоритет социалистическим идеям, социальной справедливости, равенству, защите интересов людей труда составили 18% (в ноябре, при первых симптомах кризиса эта цифра поднялась до 24%), «правые», отдающие приоритет либеральным идеям, экономической свободе, правам человека, политической демократии, сближению с Западом — 13% (в ноябре 14%), ну а самую большую поддержку получили «патриоты», отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы — 31% (в ноябре — 33%). При этом следует отметить, что социальные взгляды большей части «патриотов» несколько ближе к левой стороне, чем к правой. Остальные, чуть меньше 40% россиян, не смогли сориентироваться с выбором наиболее близкого для себя идеологического направления. Подобная картина идейно-политических симпатий сложилась еще в конце 90-х и с тех пор колеблется в очень узких пределах, не взирая на кризисы и выборы. При этом в каждой из трех основных идеологических ниш существуют и свои радикалы, и свои умеренные. На 8% сторонников собственно коммунистических взглядов приходится еще 23% тех, кто разделяют идеи сильного социально ориентированного государства («левых государственников») и идеи социал-демократии. На 4% радикально «правых», посещающих разного рода «марши несогласных» и критикующих нынешние власти за антидемократизм и нарушения прав человека, а также 2% тех сторонников рыночной экономики, которые хотели бы вернуться к эпохе 90-х, когда крупный бизнес диктовал государству свои условия, приходится еще 16% сторонников сильного, но рыночно ориентированного государства, благоприятного для развития бизнеса («правых государственников»). На 4% радикальных «русских патриотов», то

⁶ Бызов Л. Идейные ориентации россиян остаются стабильными и в условиях кризиса // ВЦИОМ : [веб-сайт]. 2009. Январь.

есть националистов, делающих акцент на опасность наплыва в Россию приезжих с юга и юго-востока, приходится огромное большинство россиян и «левых», и «правых», и всех остальных, для которых патриотизм — это не борьба с инородцами, а укрепление державы и ее процветание. При этом у всех умеренных — и левых, и правых, и патриотов — больше того, что объединяет, чем разделяет. И это общее объединяющее начало достаточно для того, чтобы образовать мощную коалицию в самом центре политического спектра, вытеснив крайности на его периферию. Хотя объем сторонников политического центра не превышал 50%, он цементирует весь политический спектр. Эта картина во многом напоминает ситуацию последнего десятилетия советской власти, когда множество идеологически разношерстных групп относительно мирно уживались в рамках конструкции с доминирующей партией власти в лице КПСС, в основном на базе патриотических ценностей, а немногочисленные борцы с режимом, диссиденты, были изолированы на маргинальных флангах политического спектра. Перестройка сломало этот пассивный консенсус, резко поляризовав все общество. Можно предположить, что смещение повестки дня от стабильности к идеям активных перемен приведет к тому же эффекту. Намечившиеся пока в потенции «партии» либеральной и левогосударственнической модернизации могут стать прообразами новой политической системы, в которой основные расколы пройдут не по линии нынешней партии власти и нынешней оппозиции, а расколот нынешнюю правящую коалицию умеренных либералов и умеренных левых.

Подобный идеологический синтез предопределяет набор основных идей, которые российское общество связывает с посткризисным развитием. В основном это левогосударственнические идеи, связанные с социальным государством и наведением «порядка», а также укреплением державной мощи страны. Так, на первое место по популярности вышла идея достижения равенства всех перед законом, соблюдения гарантированных Конституцией прав человека (41%), далее по убывающей следуют жесткая борьба с коррупцией (38%), обеспечение социальной справедливости (31%), укрепление силы и могущества державы (21%), возрождение русских и национальных ценностей и традиций (14%). Что касается вышедшей на первое место темы равенства перед законом, обычно характерной для либеральной системы ценностей, в современном российском контексте речь идет скорее о силовом подавлении коррупции, пресечении appetитов государственной бюрократии и связанного с ней криминального и полукриминального бизнеса, что больше укладывается в левогосударственнический сценарий перемен в стране. Этот набор идей немного уравнивается нейтральной, технократической идеей «формирования эффективной инновационной экономики (24%) и двумя либеральными формулировками — расширением возможностей для свободного предпринимательства и развитием конкуренции (12%), а также демократическим обновлением общества (7%). Все это говорит о том, что сведение посткризисного развития к набору либеральных идей на сегодняшний день было бы весьма преждевременно, общество в значительной своей части предпочитает реализацию левогосударственнического сценария перемен, и видит главную проблему отставания страны не в недостатке политических и экономических свобод, а в слабости и пассивности государства, не способного сегодня выполнять свою функцию субъекта экономического развития и наведения порядка во всех сферах жизни, в первую очередь искоренения коррупционной составляющей российской жизни. А политическая стабильность, в которой наиболее активная часть общества («модернисты») видят угрозу ограничения своей вертикальной мобильности, большинство общества продолжает воспринимать как необходимую предпосылку позитивного развития страны. Об этом же

говорят результаты майского исследования ВЦИОМ, согласно которым наиболее подходящей для русского народа идеологией назывались демократия (28%), патриотизм (24%), социализм (19%), державность (14%), национальная самобытность — 12%. На фоне этого идеологического ряда социал-патриотической направленности на порядок меньшей поддержкой пользуются идеи капитализма (7%) и либерализма (3%). В еще более раннем (2010 г.) исследовании ВЦИОМ среди лозунгов, которые, по мнению опрошенных, могли бы объединить российское общество, лидировали такие, как стабильность (49%), законность и порядок (45%), сильная держава (35%), социальная защита населения (32%), равенство и справедливость (26%), богатство, процветание (24%), крепкая семья (22%), восстановление достоинства России (21%). Как видно из табл. 5, взгляд условных «модернистов» и остальных групп общества на перечень идей, связываемых с посткризисным развитием, в ряде пунктов существенно различается.

Таблица 5 Набор идей, связанных с посткризисным развитием, в группах респондентов с различной степенью «продвинуто»⁷, в %

Перечень идей	«Традиционалисты»	«Промежуточные»	«Модернисты»	Всего
Обеспечение социальной справедливости	40	33	18	31
Формирование эффективной инновационной экономики	12,5	24	32	24
Укрепление силы и могущества державы	27	20	19	21
Возрождение русских национальных ценностей и	13	13	16	13,5
Расширение возможностей для свободного	3	11	21	12
Демократическое обновление общества	7	7	9	7
Равенство всех перед законом	40	42	38	41
Жесткая борьба с коррупцией	40	38	36	38

Для «традиционалистов»⁷ модернизация — это наведение порядка, борьба с коррупцией, восстановление социальной справедливости и укрепление державной мощи. Для «модернистов» модернизация — это также наведение порядка и борьба с коррупцией, но одновременно и формирование эффективной инновационной экономики, расширение возможностей для свободного предпринимательства. Значимость последней идеи у «модернистов» в 7 раз выше, чем у «традиционалистов» — с соотношением 21% против 3%. Обращает на себя внимание и то, что политическая либерализация общества, его демократическое обновление не воспринимаются как важные задачи ни «традиционалистами» (7%), ни «модернистами» (9%). Таким образом, если говорить о либеральном сценарии развития, можно выделить либерально-демократический и либерально-авторитарный варианты, причем последний сегодня более вероятен.

Налицо как минимум две идеологии «прорыва» — левомобилизационный и либеральный. Что представляют их социальные базы? За левый сценарий выступает не менее 50–60% населения, в основном слои общества за пределами среднего и высшего класса. Однако поддержка этих настроений в элитах весьма незначительна, даже среди тех,

⁷ Термин «традиционалисты» в данном контексте, конечно, не следует понимать буквально, так как традиционное общество в современной России носит анклавный характер. Речь идет скорее о наименее адаптированных слоях общества с ярко выраженной патерналистской системой установок.

кого принято относить к числу «силовиков во власти». Добившись контроля над огромными материальными ресурсами и финансовыми потоками, «силовики» сменили свою идеологическую тактику на сугубо охранительную, им никаких перемен не надо, особенно тех, которые могут угрожать их личному влиянию и благополучию. Среди элит сторонники «силового прорыва», возможно, могут рассчитывать лишь на некоторую часть руководителей ВПК, заинтересованных в концентрации ресурсов страны вокруг оборонного комплекса и в мобилизационной идеологии. Все это позволяет предположить, что левогосударственнический сценарий в нынешней России, где отсутствует в должном объеме необходимый человеческий ресурс (по аналогии со «сталинской» модернизацией 1930-х гг., проводившейся в условиях избытка малоквалифицированных трудовых ресурсов с низкими жизненными стандартами), не может пойти далее выстраивания бюрократической «вертикали власти», что уже реализовано в 2005–2008 гг. Любые попытки установления диктатуры, даже с идеологией развития, обречены на быстрый провал. Да и сама «путинская вертикаль» во многом оказалась «игрушкой на один день» и уже сегодня подвергается эрозии. Для мобилизационного сценария модернизации, как справедливо полагает Шамиль Султанов, нужны принципиально иные элиты, однако откуда они возьмутся, сказать никто не может. «Для того чтобы реально, а не только на словах подготовиться к завтрашнему дню, нужна принципиально новая элита. Иначе это будет только показуха, подготовка к прошедшей войне. В условиях сегодняшней России новая элита появиться не может — это нереально»⁸. А среди тех, кто хочет перемен, сторонники силового, «левоавторитарного» сценария преобладают над сторонниками либеральной модернизации. Вектор общественных настроений сегодня направлен против правящих элит, устранение которых воспринимается как необходимое условие для начала любых перемен. А в качестве основных причин экономической отсталости и невысокого жизненного уровня видят коррупцию, безответственность властей и чиновничества всех уровней. «Либо диктатор, который устранил эти элиты сверху, либо бунт и революция, рано или поздно», — полагают сегодня многие в России, особенно те, кто занимают место в нижней части социальной пирамиды.

Таким образом, несмотря на все перечисленные ограничители, понятные современному политическому классу России, настроения большей части россиян явно тяготеют к левогосударственническому сценарию, который можно было бы охарактеризовать как идею своего рода «диктатуры развития». На заданный в ходе майского исследования ВЦИОМ в 2011 г. вопрос о том, какой из следующих вариантов перемен в нашей стране вы бы скорее поддержали, 62% выбрали «укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление коррупции, ограничение вывоза капитала», и лишь 18% — «либерализацию всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, усиление конкурентности, высвобождение инициативы граждан». По мнению еще 12% опрошенных, стране не желательны ни те, ни другие перемены, а следует сохранять нынешнюю политику и нынешние тенденции. Наибольшую долю сторонников либерального сценария модернизации продемонстрировали такие группы, как студенческая молодежь и бизнесмены (по 32%), специалисты высокой квалификации (28%), группы с уровнем дохода выше среднего (30%). Как видно, даже в наиболее подготовленных к либеральному сценарию сегментах общества численность ее сторонников не превышает треть. Впрочем,

⁸ Султанов Ш. Кризис: системный или экономический? // Завтра. 2010. 27 января.

пока никакие политические перемены не начались. В их реализацию верят относительно немногие. Так, 48% опрошенных ВЦИОМом россиян полагают, что в стране еще долго будет сохраняться стабильность, 29% верят в значительные и скорые перемены к лучшему, а 16% — в значительные перемены к худшему.

Может быть, больше перспектив и шире социальная база у либерального сценария модернизации? Картина здесь во многом носит зеркальный характер. Либеральные перемены готово поддержать не более 15–20% населения, однако среди элит, как показало исследование М. Афанасьева⁹, настроения скорее в пользу либерализации. Как отмечает этот аналитик, «наличие социального запроса на системную модернизацию было установлено до появления статьи Дмитрия Медведева. Еще в начале второй половины 2000-х гг. социологи зафиксировали, что сформировалось новое массовое недовольство — недовольство не ухудшением ситуации, как в 1990-х, а отсутствием улучшений. В 2008 г. по инициативе фонда «Либеральная миссия» мы провели исследование в «элитах развития». Опрос примерно 1000 респондентов показал, что вполне благополучные и успешные люди еще до начала очевидного экономического кризиса предельно критично оценивали положение дел и качество государства. Стало ясно, что большинство в продвинутых группах российского общества ждет нового курса, прояснились главные параметры этого курса, точки элитного и общественного консенсуса»¹⁰. Об этом же пишет и Александр Смирнов: «Сейчас передовая часть общества, интеллектуальная элита (средний класс, интеллигенция) достаточно критически осмысливает политику государства. Настроения в обществе по сравнению с 2007 г. серьезно изменилось. Тогда большинство жило ожиданием улучшения ситуации, сейчас доминирует неопределенность. Назревают противоречия между элитами властными и элитами интеллектуальными, между бизнесом и экономической средой. Не может не быть определенного раскола внутри элит, что иногда видно из анализа высказываний чиновников»¹¹.

Впрочем, речь идет не об огромном бюрократическом классе, не заинтересованном ни в каких переменах, а скорее о той части элит, которая оказалась вытеснена на обочину генерацией силовиков и их выдвиженцами. Это журналисты, политики, не вписавшиеся в «контур партии власти», политологи и аналитики, эксперты разного направления, представители культурной и творческой элиты. В общем социальная база либерального сценария сильно напоминает сторонников М. Горбачева на первом этапе его деятельности с их лозунгом «иного не дано». Интересно в этой связи выяснить готовность среднего бизнеса, все сильнее ощущающего на себе гнет монополий и объективно заинтересованного в экономической либерализации, поддержать медведевскую модернизацию в качестве своего осознанного политического выбора. Ясно, однако, что в целом ресурс поддержки у новой «оттепели» или «перестройки» более чем ограничен, и его ни в коем случае не следует переоценивать.

Если говорить о либеральном сценарии модернизации подробнее, можно выделить либерально-демократический и либерально-авторитарный варианты. На практике различия между ними могут оказаться совсем не столь велики, так как верхушечная демократизация, даже возвращение к ряду институтов политической системы 1990-х гг., совсем не исключает

⁹ Исследование «Российские элиты развития: запрос на новый курс» / Рук. М. Афанасьев // The New Times. 2009. 2 марта. Исследователи, используя метод глубинных интервью, опросили 1003 человек, проживающих в 64 субъектах Федерации.

¹⁰ Афанасьев М. Стратегию не заказывают // Газета.Ру. 2010. 15 февраля.

¹¹ Смирнов А. Модернизация России и уроки истории: куда ведет управляемая демократия // АПН : [веб-сайт]. 2010. 16 февраля.

авторитарного сценария (можно вспомнить гайдаровские реформы, проводившиеся в период достаточно высокого уровня демократических свобод в стране). Сторонники либерально-авторитарного сценария охотно ссылаются на опыт экономической модернизации в ряде стран «третьего мира», особенно в Южной Америке, в которой большая часть ныне вполне успешно развивающихся стран прошли через этап военной диктатуры. Значительная часть либерального крыла российской партии власти тоже ориентирована скорее на умеренно авторитарный сценарий либерализации, чем на демократический.

Проведенный анализ показывает, что путинская социально-политическая стабильность, державшаяся на временном союзе социал-государственников и либерал-государственников, в случае перехода к тем или иным парадигмам «развития», «перемен», скорее всего, распадется. Уж слишком отличается взгляд разных сегментов общества и элит на социально-политическое содержание этих перемен. Несмотря на значительно более узкую социальную базу, движение в сторону либерального сценария более вероятно в силу его поддержки более активными и статусными группами. Однако это процесс может снова реанимировать гражданское противостояние, характерное для более ранних попыток либерального реформирования, и наткнуться на непреодолимые социальные барьеры.